

ОСИПЪ МАНДЕЛЬШТАМЪ

КАМЕНЬ - 1913

TRISTIA - 1922

im WERDEN-VERLAG
MOCKBA - AUGSBURG 2002

Осипъ Манделъштамъ. 1914 г. Съ портрета А. Зельмановой

© О. Манделъштамъ. Камень. Стихи. АКМЭ, С.-Петербургъ, 1913

© О. Манделъштамъ. Tristia. Petropolis, Петербургъ-Берлинъ, 1922.

(Настоящее издание отпечатано въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ. Изъ нихъ сто нумерованныхъ. Обложка и марка работы М. В. Дубужинскаго. Отпечатано въ типографіи Зинабургъ и Ко. въ Берлинѣ въ 1922 году для издательства «Петрополисъ».)

© Сергій Виницкій, 2000: OCR, свѣрка орфографіи по оригинальнымъ изданиямъ, форматированіе и провѣрка правописанія.

© «Im-Werden-Verlag», 2002.

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕНЬ

«Дано мнѣ тѣло — что мнѣ дѣлать съ нимъ...»	5
Silentium	5
Невыразимая печаль	6
«Медлительнѣе снѣжный улей...»	6
«Смутно-дышащими листьями...»	6
«Отчего душа такъ пѣвуча...»	7
«Быть можетъ, я тебѣ не нуженъ...»	7
«Скудный лучъ, холодной мѣрою...»	8
«Образъ твой, мучительный и зыбкій...»	8
Змѣй	9
«Сегодня дурной день...»	9
Пѣшеходъ	10
«Нѣтъ, не луна, а свѣтлый циферблатъ...»	10
Я ненавижу свѣтъ...»	10
Казино	11
Царское Село	11
Золотой	12
Старикъ	13
Петербургскія строфы	14
«В душномъ барѣ иностранецъ...»	14
Лютеранинъ	15
Айя-Софія	15
Notre Dame	16

TRISTIA

«Какъ этихъ покрывалъ и этого убора...»	18
Звѣринецъ	19
«Въ разногосицѣ дѣвическаго хора...»	20
«На розвальняхъ, уложенныхъ соломой...»	21

Соломинка	21
«Я потеряла нѣжную камею...»	22
«Собирались элины войною...»	23
«Мнѣ холодно. Прозрачная весна...»	23
«Не вѣря воскресенья чуду...»	24
«Эта ночь непоправима...»	25
Декабристь	25
Меганомъ	26
«Когда на площадяхъ и въ тишинѣ келейной...»	27
«Среди священниковъ левитомъ молодымъ...»	27
«Золотистаго меду струя изъ бутылки текла...»	28
«Въ тотъ вечеръ не гудѣлъ стрѣльчатый лѣсъ органа...»	29
«Твое чудесное произношенье...»	29
Tristia	30
Черепаха	31
«Идемъ туда, гдѣ разныя науки...»	32
«Въ хрустальномъ омутѣ какая крутизна...»	32
«Природа тотъ же Римъ, и отразилась въ немъ...»	33
«Только дѣтскія книги читать...»	33
«Вернись въ смѣсительное лоно...»	33
«О, этотъ воздухъ, смутой пьяный...»	34
«Въ Петербургѣ мы сойдемся снова...»	34
«На перламутровый челнокъ...»	35
«Отъ легкой жизни мы сошли съ ума...»	36
«Что поютъ часы-кузнечикъ...»	36
«Уничтожаетъ пламень...»	37
«Мнѣ Тифлисъ горбатый снится...»	37
«Американка въ двадцать лѣтъ...»	37
«Сестры тяжесть и нѣжность, — одинаковы ваши примѣты...»	38
«Я наравнѣ съ другими...»	38
«Чуть мерцаетъ призрачная сцена...»	39
Венеційская жизнь	40
«Мнѣ жалко, что теперь зима...»	41
«Вотъ дароносица, какъ солнце золотое...»	42
«Когда Психея-жизнь спускается къ тѣнямъ...»	43
«Возьми на радость изъ моихъ ладоней...»	43
Сумерки свободы	44
«На страшной высотѣ блуждающій огонь...»	44
Ласточка	45
«За то, что я руки твои не сумѣлъ удержать...»	46
«Исакии подъ фатой молочной бѣлизны...»	47

КАМЕНЬ

* * *

Дано мнѣ тѣло — что мнѣ дѣлать съ нимъ,
Такимъ единымъ и такимъ моимъ?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мнѣ благодарить?

Я и садовникъ, я же и цвѣтокъ,
Въ темницѣ міра я не одинокъ.

На стекла вѣчности уже легло
Мое дыханіе, мое тепло.

Запечатлѣтся на немъ узоръ,
Неузнаваемый съ недавнихъ поръ.

Пускай мгновенія стекаетъ муть —
Узора милаго не зачеркнуть.

1909

Silentium

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышать моря груди,
Но, какъ безумный, свѣтелъ день
И пѣны блѣдная сирень
Въ мутно-лазоревои сосудѣ.

Да обрѣтутъ мои уста
Первоначальную пѣмоту —
Какъ кристаллическую ноту,
Что отъ рожденія чиста.

Останься пѣной, Афродита,
И слово въ музыку вернись,
И сердце сердца устыдись,
Съ первоосновой жизни слито.

1910

* * *

Невыразимая печаль
Открыла два огромныхъ глаза,
Цвѣточная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Такъ много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И потянулась, оживая,
Тончайшихъ пальцевъ бѣлизна...

1909

* * *

Медлительнѣе снѣжный улей,
Прозрачнѣе окна хрусталь
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стулъ.

Ткань, опьяненная собой,
Изнѣженная лаской свѣта,
Она испытываетъ лѣто,
Какъ бы не тронута зимой.

И, если въ ледяныхъ алмазахъ
Струится вѣчности морозъ,
Здѣсь — трепетаніе стрекозъ
Быстроживущихъ, синеглазыхъ...

1910

* * *

Смутно-дышащими листьями
Черный вѣтеръ шелеститъ,
И трепещущая ласточка
Въ темномъ небѣ кругъ чертитъ.

Тихо спорять въ сердце ласковомъ,
Умирающемъ, моемъ,
Наступающія сумерки
Съ догорающимъ лучомъ.

И надъ лѣсомъ вечерѣющимъ
Встала мѣдная луна;
Отчего такъ мало музыки
И такая тишина?

1911

* * *

Отчего душа такъ пѣвуча,
И такъ мало милыхъ именъ,
И мгновенный ритмъ — только случай,
Неожиданный Аквилонъ?

Онъ подыметъ облако пыли,
Зашумитъ бумажной листвою
И совсѣмъ не вернется — или
Онъ вернется — совсѣмъ другой...

О, широкій вѣтеръ Орфея,
Ты уйдешь въ морскіе края —
И, не созданный міръ мелѣя,
Я забылъ ненужное «я».

Я блуждалъ въ игрушечной чашѣ
И открылъ лазоревый гротъ...
Неужели я настоящій,
И дѣйствительно смерть придетъ?

1911

* * *

Быть можетъ, я тебѣ не нуженъ,
Ночь; изъ пучины міровой,
Какъ раковина безъ жемчужинъ,
Я выброшенъ на берегъ твой.

Ты равнодушно волны пѣнишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оцѣнишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песокъ съ ней рядомъ ляжешь,
Одѣнешь ризою своею,
Ты неразрывно съ нею свяжешь
Огромный колоколъ зыбей;

И хрупкой раковины стѣны, —
Какъ нежилого сердца домъ, —
Наполнишь шепотами пѣны,
Туманомъ, вѣтромъ и дождемъ...

1911

* * *

Скудный лучъ, холодной мѣрою,
Сѣтъ свѣтъ въ сыромъ лѣсу.
Я печаль, какъ птицу сѣрую,
Въ сердце медленно несу.

Что мнѣ дѣлать съ птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
Съ колокольни отуманенной
Кто-то снялъ колокола.

И стоитъ осиротѣлая
И нѣмая вышина —
Какъ пустая башня бѣлая,
Гдѣ туманъ и тишина...

Утро, нѣжностью бездонное,
Полу-явь и полу-сонъ —
Забытье неутоленное —
Думъ туманный перезвонъ...

1911

* * *

Образъ твой, мучительный и зыбкій,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
«Господи!», сказалъ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

Боже имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди...
Впереди густой туманъ клубится,
И пустая клѣтка позади...

1912

Змѣй

Осенній сумракъ — ржавое желѣзо
Скрипитъ, поетъ и разъѣдаетъ плоть;
Что весь соблазнъ и всѣ богатства Креза
Предъ лезвіемъ твоей тоски, Господь!

Я какъ змѣей танцующей измученъ
И передъ ней, тоскуя, трепещу;
Я не хочу души своей излучинъ
И разума и Музы не хочу...

Достаточно лукавыхъ отрицаній
Распутывать извилистый клубокъ;
Нѣтъ стройныхъ словъ для жалобъ и признаній,
И кубокъ мой тяжелъ и неглубокъ.

Къ чему дышать? На жесткихъ камняхъ пляшетъ
Больной удавъ, свиваясь и клубясь;
Качается и тѣло опояшетъ,
И падаетъ, внезапно утомясь.

И бесполезно наканунѣ казни,
Видѣніемъ и пѣніемъ потрясенъ,
Я слушаю, какъ узникъ безъ боязни,
Желѣза визгъ и вѣтра темный стонъ!

1910

* * *

Сегодня дурной день:
Кузнечиковъ хоръ спитъ,
И сумрачныхъ скалъ сѣнь —
Мрачнѣй гробовыхъ плитъ.

Мелькающихъ стрѣлъ звонъ
И вѣщихъ воронъ крикъ...
Я вижу дурной сонъ,
За мигомъ летитъ мигъ.

Явленій раздвинь грань,
Земную разрушь клѣть,
И яростный гимнъ грянь —
Бунтующихъ тайнъ мѣдь!

О, маятникъ душъ строгъ —
Качается глухъ, прямъ,
И страстно стучитъ рокъ
Въ запретную дверь къ намъ...

1911

Пѣшеходъ

Я чувствую непобѣдимый страхъ
Въ присутствіи таинственныхъ высотъ,
Я ласточкой доволенъ въ небесахъ,
И колокольни я люблю полеть!

И, кажется, старинный пѣшеходъ,
Надъ пропастью, на гнущихся мосткахъ,
Я слушаю — какъ снѣжный комъ растеть
И вѣчность бьетъ на каменныхъ часахъ.

Когда бы такъ! Но я не путникъ тотъ,
Мелькающій на выцвѣтшихъ листахъ,
И подлинно во мнѣ печаль поеть;

Дѣйствительно лавина есть въ горахъ!
И вся моя душа — въ колоколахъ —
Но музыка отъ бездны не спасеть!

1912

* * *

Нѣтъ, не луна, а свѣтлый циферблатъ
Сіяетъ мнѣ, и чѣмъ я виновать,
Что слабыхъ звѣздъ я осязаю млечность?

И Батюшкова мнѣ противна спесь;
Который часъ, его спросили здѣсь —
А онъ отвѣтилъ любопытнымъ: вѣчность!

1912

* * *

Я ненавижу свѣтъ
Однообразныхъ звѣздъ.
Здравствуй, мой давній бредъ, —
Башни стрѣльчатой ростъ!

Кружевомъ камень будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Будетъ и мой чередъ —
Чую размахъ крыла.

Такъ — но куда уйдесть
Мысли живой стрѣла?

Или свой путь и срокъ
Я, исчерпавъ, вернусь:
Тамъ — я любить не могъ,
Здѣсь — я любить боюсь...

1912

Казино

Я не поклонникъ радости предвзятой,
Подчасъ природа сѣрое пятно, —
Мнѣ въ опьяненьи легкомъ суждено
Извѣдать краски жизни небогатой.

Играетъ вѣтеръ тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, какъ полотно,
Душа виситъ надъ бездною проклятой.

Но я люблю на дюнахъ казино,
Широкій видъ въ туманное окно
И тонкій лучъ на скатерти измятой;

И, окружень водой зеленоватой,
Когда, какъ роза, въ хрусталѣ вино —
Люблю слѣдить за чайкою крылатой!

1912

Царское Село

Георгію Иванову

Поѣдемъ въ Царское Село!
Свободны, вѣтренны и пьяны,
Тамъ улыбаются уланы,
Вскочивъ на крѣпкое сѣдло...
Поѣдемъ въ Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьяхъ — клочья ваты,
И грянуть «здравія» раскаты
На крикъ — «здорово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Гдѣ одnodумы-генералы
Свой коротають вѣкъ усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...
Особняки — а не дома!

Свистъ паровоза... ѣдетъ князь.
Въ стеклянномъ павильонѣ свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходить офицеръ, кичась:
Не сомнѣваюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, въ царство этикета,
Внушая тайный страхъ, карета
Съ мощами фрейлины сѣдой,
Что возвращается домой...

Золотой

Цѣлый день сырой осенній воздухъ
Я вдыхалъ въ смятенѣ и тоскѣ;
Я хочу поужинать, — и звѣзды
Золотыя въ темномъ кошелькѣ!

И дрожа отъ желтаго тумана,
Я спустился въ маленькій подвалъ;
Я нигдѣ такого ресторана
И такого сброда не видалъ!

Мелкіе чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавкомъ щупаетъ червонцы
Человѣкъ — и всѣ они пьяны.

Будьте такъ любезны, размѣняйте,
Убѣдительно его прошу —
Только мнѣ бумажекъ не давайте, —
Трехрублевокъ я не выношу!

Что мнѣ дѣлать съ пьяною оравой?
Какъ попалъ сюда я, Боже мой?
Если я на то имѣю право —
Размѣняйте мнѣ мой золотой!

1912

Старикъ

Уже свѣтло, поетъ сирена
Въ седьмомъ часу утра.
Старикъ, похожій на Верлэна, —
Теперь твоя пора!

Въ глазахъ лукавый или дѣтскій
Зеленый огонекъ;
На шею нацѣпилъ турецкій
Узорчатый платокъ.

Онъ богохульствуетъ, бормочетъ
Несвязныя слова;
Онъ исповѣдаться хочетъ —
Но согрѣшитъ сперва.

Разочарованный рабочій
Иль огорченный мотъ —
А глазъ, подбитый въ нѣдрахъ ночи,
Какъ радуга цвѣтетъ.

Такъ, соблюдая день субботній,
Плетется онъ — когда
Глядитъ изъ каждой подворотни
Веселая нужда;

А дома — руганью крылатой,
Отъ ярости блѣдна, —
Встрѣчаетъ пьянаго Сократа
Суровая жена!

1913

Петербургскія строфы

Н. Гумилеву

Надъ желтизной правительственныхъ зданій
Кружилась долго мутная метель,
И правовѣдъ опять садится въ сани,
Широкимъ жестомъ запахнувъ шинель.

Зимуютъ пароходы. На припекѣ
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовишна — какъ броненосецъ въ докѣ —
Россія отдыхаетъ тяжело.

А надъ Невой — посольства полуміра,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крѣпкая порфира,
Какъ власяница грубая, бѣдна.

Тяжка обуза сѣвернаго сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — валь сугроба,
Дымокъ костра и холодокъ штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морскія посѣщали складъ пеньки,
Гдѣ, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродячь мужики.

Летить въ туманъ моторовъ вереница;
Самолубивый, скромный пѣшеходъ —
Чудакъ Евгений — бѣдности стыдится,
Бензинъ вдыхаетъ и судьбу клянеть!

1913

* * *

Въ душномъ барѣ иностранецъ,
Я нерѣдко, въ часъ глухой,
Уходя отъ тусклыхъ пьяницъ,
Становлюсь самимъ собой.

Дѣвъ полуночныхъ отвага
И безумныхъ звѣздъ разбѣгъ,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлегъ.

Кто, скажите, мнѣ сознанье
Виноградомъ замутишь,
Если явь — Петра созданье,
Мѣдный всадникъ и гранить?

Слышу съ крѣпости сигналы,
Замѣчаю, какъ тепло.
Выстрѣлъ пушечный въ подвалы,
Вѣроятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы —
Звѣзды, трезвая бесѣда,
Вѣтеръ западный съ Невы...

1913

Лютеранинъ

Я на прогулкѣ похороны встрѣтилъ
Близь протестантской кирки, въ воскресенье.
Разсѣянный прохожій, я замѣтилъ
Тѣхъ прихожанъ суровое волнение.

Чужая рѣчь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сіяла,
Да мостовая праздничная глухо
Лѣнивыя подковы отражала.

А въ эластичномъ сумракѣ кареты,
Куда печаль забила, лицемѣрка,
Безъ словъ, безъ слезъ, скупая на привѣты,
Осеннихъ розъ мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной
И шли пѣшкомъ заплаканныя дамы,
Румянецъ подъ вуалью, и упорно
Надъ ними кучеръ правилъ вдаль, упрямый.

Кто бъ ни былъ ты, покойный лютеранинъ,
Тебя легко и просто хоронили.
Былъ взоръ слезой приличной затуманенъ,
И сдержанно колокола звонили.

И думалъ я: витійствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любимъ рая, не боимся ада,
И въ полдень матовый горимъ, какъ свѣчи.

1912

Айя-Софія

1

Айя-Софія — здѣсь остановиться
Судилъ Господь народамъ и царямъ!
Вѣдь куполъ твой, по слову очевидца,
Какъ на цѣпи подвѣшенъ къ небесамъ.

2

И всѣмъ примѣръ — года Юстиніана,
Когда похитить для чужихъ боговъ
Позволила Эфесская Діана
Сто семь зеленыхъ мраморныхъ столбовъ.

3

Куда-жъ стремился твой строитель щедрый,
Когда, душой и помысломъ высокъ,
Расположилъ апсиды и экседры,
Имъ указавъ на западъ и востокъ?

4

Прекрасенъ храмъ, купающійся въ мирѣ,
И сорокъ оконъ — свѣта торжество;
На парусахъ подъ куполомъ четыре
Архангела прекраснѣе всего.

5

И мудрое сферическое зданье
Народы и вѣка переживетъ,
И серафимовъ гулкое рыданье
Не покоробитъ темныхъ позолотъ.

1912

Notre Dame

1

Гдѣ римскій судія судилъ чужой народъ —
Стоитъ базилика, — и радостный и первый,
Какъ нѣкогда Адамъ, распластывая нервы,
Играетъ мышцами крестовый легкій сводъ.

2

Но выдаетъ себя снаружи тайный планъ!
Здѣсь позаботилась подпружныхъ арокъ сила,
Чтобъ масса грузная стѣны не сокрушила,
И свода дерзкаго бездѣйствуетъ таранъ.

3

Стихійный лабиринтъ, непостижимый лѣсъ,
Души готической разсудочная пропасть,
Египетская мощь и христіанства робость,
Съ тростинкой рядомъ — дубъ и всюду царь — отвѣсъ.

Но чѣмъ внимательнѣй, твердыня Notre Dame,
Я изучалъ твои чудовищныя ребра, —
Тѣмъ чаще думалъ я: изъ тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создамъ.

1912

Tristia

* * *

— Какъ этихъ покрываль и этого убора
Мнѣ пышность тяжела средь моего позора!

— Будеть въ каменной Трезенѣ
Знаменитая бѣда,
Царской лѣстницы ступени
Покраснѣють отъ стыда,

.....

.....

И для матери влюбленной
Солнце черное взойдетъ.

— О, если бѣ ненависть въ груди моей кипѣла —
Но, видите, само признание съ устъ слетѣло.

— Чернымъ пламенемъ Федра горить
Среди бѣлаго дня.
Погребальный факель горить
Среди бѣлаго дня.
Бойся матери, ты, Ипполитъ:
Федра — ночь — тебя сторожить
Среди бѣлаго дня.

— Любовью черною я солнце запятнала
Смерть охладить мой пылъ изъ чистаго фіала...

— Мы боимся, мы не смѣемъ
Горю царскому помочь.
Уязвленная Тезеемъ
На него напала ночь.
ы же, пѣснью похоронной
Провожая мертвыхъ въ домъ,
Страсти дикой и бессонной
Солнце черное уйдемъ.

1916

Звѣринецъ

1

Отверженное слово «миръ»
Въ началѣ оскорбленной эры;
Свѣтильникъ въ глубинѣ пещеры
И воздухъ горныхъ странъ — эфиръ;
Эфиръ, которымъ не сумѣли,
Не захотѣли мы дышать.
Козлинымъ голосомъ, опять,
Поютъ косматыя свирѣли.

2

Пока ягнята и волю
На тучныхъ пастбищахъ водились
И дружелюбные садились
На плечи сонныхъ скалъ орлы, —
Германецъ выкормилъ орла,
И левъ британцу покорился,
И гальскій гребень появился
Изъ пѣтушинаго хохла.

3

А нынѣ завладѣлъ дикарь
Священной палицей Геракла,
И черная земля изсякла,
Неблагодарная, какъ встарь.
Я палочку возьму сухую,
Огонь добуду изъ нея.
Пускай уходитъ въ ночь глухую
Мной всполошенное звѣрье.

4

Пѣтухъ, и левъ, темно-бурый
Орелъ, и ласковый медвѣдь —
Мы для войны построимъ клѣть,
Звѣриныя пригрѣемъ шкуры.
А я пою вино временъ,
Источникъ рѣчи италійской,
И, въ колыбели праарійской,
Славянскій и германскій ленъ.

Италія, тебѣ не лѣнь
 Тревожить Рима колесницы,
 Съ кудахтаньем домашней птицы
 Перелетѣвъ через плетень?
 И ты, сосѣдка, не взыщи:
 Орелъ топорщится и злится.
 Что, если для твоей пращи
 Тяжелый камень не согдится?

Въ звѣринцѣ заперевъ звѣрей,
 Мы успокоимся надолго,
 И станетъ полноводнѣй Волга,
 И рейнская струя свѣтлѣй.
 И умудренный человѣкъ
 Почтитъ невольно чужестранца,
 Какъ полубога, буйствомъ танца,
 На берегахъ великихъ рѣкъ!

1916

* * *

Въ разноголосицѣ дѣвическаго хора
 Все церкви нѣжныя поютъ на голосъ свой,
 И въ дугахъ каменныхъ Успенскаго собора
 Мнѣ брови чудятся, высокія, дугой.

И съ укрѣпленнаго архангелами вала
 Я городъ озираю на чудной высотѣ.
 Въ стѣнахъ Акрополя печаль меня снѣдала,
 По русскомъ имени и русской красотѣ.

Не диво ль дивное, что вертоградъ намъ снится,
 Гдѣ рѣютъ голуби въ горячей синевѣ,
 Что православные крюки поетъ черница:
 Успенье нѣжное — Флоренція въ Москвѣ.

И пятиглавыя московскіе соборы
 Съ ихъ итальянскою и русскою душой
 Напоминаютъ мнѣ — явленіе Авроры,
 Но съ русскимъ именемъ и въ шубкѣ мѣховой.

1916

* * *

На розвальняхъ, уложенныхъ соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
Отъ Воробьевыхъ горъ до церковки знакомой
Мы ѣхали огромною Москвой.

А въ Угличѣ играютъ дѣти въ бабки,
И пахнетъ хлѣбъ, оставленный въ печи.
По улицамъ меня везутъ безъ шапки,
И теплятся въ часовнѣ три свѣчи.

Не три свѣчи горѣли, а три встрѣчи,
Одну изъ нихъ самъ Богъ благословилъ,
Четвертой не бывать, — а Римъ далече,
И никогда онъ Рима не любилъ.

Ныряли сани въ черные ухабы,
И возвращался съ гульбища народъ.
Худые мужики и злыя бабы
Лушили сѣмя у воротъ.

Сырая даль отъ птичьихъ стай чернѣла,
И связанные руки затекли.
Царевича везутъ — нѣмѣть страшно тѣло,
И рыжую солому подожгли.

1916

Соломинка

I

Когда, соломинка, ты спишь въ огромной спальнѣ
И ждешь, бессонная, чтобъ, важенъ и высокъ,
Спокойной тяжестью — что можетъ быть печальнѣй —
На вѣки чуткія спустился потолокъ,

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сдѣлалась нѣжнѣй,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нѣтъ, соломинка скорѣй.

Въ часы бессонницы предметы тяжелѣе,
Какъ будто меньше ихъ — такая тишина —
Мерцаютъ въ зеркалѣ подушки, чуть бѣлѣя,
И въ кругломъ омутѣ кровать отражена.

Нѣтъ, не соломинка въ торжественномъ атласѣ,
Въ огромной комнатѣ надъ черною Невой,
Двѣнадцать мѣсяцевъ поють о смертномъ часѣ,
Струится въ воздухѣ ледъ блѣдно-голубой.

Декабрь торжественный струитъ свое дыханье,
Какъ будто въ комнатѣ тяжелая Нева.
Нѣтъ, не Соломинка, Лигейя, умиранье —
Я научился вамъ, блаженныя слова.

II

Я научился вамъ, блаженныя слова,
Леноръ, Соломинка, Лигейя, Серафита,
Въ огромной комнатѣ тяжелая Нева,
И голубая кровь струится изъ гранита.

Декабрь торжественный сіяетъ надъ Невой.
Двѣнадцать мѣсяцевъ поють о смертномъ часѣ.
Нѣтъ, не соломинка въ торжественномъ атласѣ
Вкушаетъ медленный, томительный покой.

Въ моей крови живетъ декабрьская Лигейя,
Чья въ саркофагѣ спитъ блаженная любовь,
А та, соломинка, быть можетъ Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь.

1916

* * *

— Я потеряла нѣжную камю,
Не знаю гдѣ, на берегу Невы.
Я римлянку прелестную жалѣю —
Чуть не въ слезахъ мнѣ говорили вы.

Но для чего, прекрасная грузинка,
Тревожить прахъ божественныхъ гробницъ?
Еще одна пушистая снѣжинка
Растаяла на вѣтерѣ рѣсницъ.

И кроткую вы наклонили шею.
Камей нѣтъ — нѣтъ римлянки, увы.
Я Тинотину смуглую жалѣю —
Дѣвичій Римъ на берегу Невы.

1916

* * *

Собирались элины войною
На прелестный остров Саламинъ.
Онъ, отторгнуть вражеской рукою,
Виденъ былъ изъ гавани Афинъ.

А теперь друзья-островитяне
Снаряжаютъ наши корабли.
Не любили раньше англичане
Европейской сладостной земли.

О, Европа, новая Элада,
Охраняй Акрополь и Пирей.
Намъ подарковъ съ острова не надо,
Цѣлый лѣсъ незваныхъ кораблей.

1916

* * *

I

Мнѣ холодно. Прозрачная весна
Въ зеленый пухъ Петрополь одѣваетъ
Но, какъ медуза, невская волна
Мнѣ отвращенье легкое внушаетъ.
По набережной сѣверной рѣки
Автомобилей мчатся свѣтляки,
Летятъ стрекозы и жуки стальные,
Мерцаютъ звѣздъ булавки золотыя,
Но никакія звѣзды не убьютъ
Морской воды тяжелый изумрудъ.

II

Въ Петрополе прозрачномъ мы умремъ,
Гдѣ властвуетъ надъ нами Прозерпина.
Мы въ каждомъ вздохѣ смертный воздухъ пьемъ,
И каждый часъ намъ смертная година.
Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучій каменный шоломъ.
Въ Петрополе прозрачномъ мы умремъ,
Здѣсь царствуешь не ты, а Прозерпина.

1916

* * *

1

Не вѣря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
— Ты знаешь, мнѣ земля повсюду
Напоминаетъ тѣ холмы
.....
.....
Гдѣ обрывается Россія
Надъ моремъ чернымъ и глухимъ.

2

Отъ монастырскихъ косогоровъ
Широкій убѣгаетъ лугъ.
Мнѣ отъ владимирскихъ просторовъ
Такъ не хотѣлося на югъ,
Но въ этой темной, деревянной
И юродивой слободѣ
Съ такой монашкою туманной
Остаться — значить быть бѣдѣ.

3

Цѣлую локоть загорѣлый
И лба кусочекъ восковой.
Я знаю — онъ остался бѣлый
Подъ смуглой прядью золотой.
Цѣлую кисть, гдѣ отъ браслета
Еще бѣлѣтъ полоса.
Тавриды пламенное лѣто
Творить такія чудеса.

4

Какъ скоро ты смуглянкой стала
И къ Спасу бѣдному пришла,
Не отрываясь цѣловала,
А гордою въ Москвѣ была.
Намъ остается только имя:
Чудесный звукъ, на долгій срокъ.
Прими жъ ладонями моими
Пересышаемый песокъ.

1916

* * *

Эта ночь непоправима,
А у васъ еще свѣтло.
У воротъ Ерусалима
Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнѣе.
Баю, баюшки, баю,
Въ свѣтломъ храмѣ Иудей
Хоронили мать мою.

Благодати не имѣя
И священства лишены,
Въ свѣтломъ храмѣ Иудей
Отпѣвали прахъ жены.

И надъ матерью звенѣли
Голоса израильтянъ.
— Я проснулся въ колыбели,
Чернымъ солнцемъ осіянь.

1916

Декабристь

«Тому свидѣтельство языческій сенатъ —
Сии дѣла не умирають».
Онъ раскурилъ чубукъ и запахнулъ халатъ,
А рядомъ въ шахматы играютъ.

Честолюбивый сонъ онъ промѣнялъ на срубъ
Въ глухомъ урочище Сибири
И вычурный чубукъ у ядовитыхъ губъ,
Сказавшихъ правду въ скорбномъ мѣрѣ.

Шумѣли въ первый разъ германскіе дубы,
Европа плакала въ тенетахъ,
Квадриги черныя вставали на дыбы
На триумфальныхъ поворотахъ.

Бывало, голубой въ стаканахъ пуншъ горить,
Съ широкимъ шумомъ самовара
Подруга рейнская тихонько говоритъ,
Вольнолюбивая гитара.

Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства,
Но жертвы не хотят слѣпыхъ небеса,
Вѣриѣ трудъ и постоянство.

Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодѣя,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россія, Лета, Лорелея.

1917

Меганомъ

1

Еще далеко асфоделей
Прозрачно-сѣрая весна,
Пока еще на самомъ дѣлѣ
Шуршитъ песокъ, кипитъ волна.
Но здѣсь душа моя вступаетъ,
Какъ Персефона въ легкій кругъ,
И въ царствѣ мертвыхъ не бываетъ
Прелестныхъ загорѣлыхъ рукъ.

2

Зачѣмъ же лодкѣ довѣряемъ
Мы тяжесть урны гробовой
И праздникъ черныхъ розъ свершаемъ
Надъ аметистовой водой?
Туда душа моя стремится,
За мысь туманный Меганомъ,
И черный парусъ возвратится
Оттуда послѣ похоронъ.

3

Какъ быстро тучи пробѣгаютъ
Неосвѣщенною грядой,
И хлопья черныхъ розъ летаютъ
Подъ этой вѣтренной луной,
И, птица смерти и рыданья,
Влачится траурной каймой
Огромный флагъ воспоминанья
За кипарисною кормой.

И раскрывается съ шуршаньемъ
 Печальный вѣеръ прошлыхъ лѣтъ
 Туда, гдѣ съ темнымъ содроганьемъ
 Въ песку зарылся амулетъ.
 Туда душа моя стремится,
 За мысь туманный Меганомъ,
 И черный парусъ возвратится
 Оттуда послѣ похоронъ.

* * *

Когда на площадяхъ и въ тишинѣ келейной
 Мы сходимъ медленно съ ума,
 Холодного и чистаго рейнвейна
 Предложить намъ жестокая зима.

Въ серебряномъ ведрѣ намъ предлагаетъ стужа
 Валгаллы бѣлое вино,
 И свѣтлый образъ сѣвернаго мужа
 Напоминаетъ намъ оно.

Но сѣверные скалды грубы,
 Не знаютъ радостей игры,
 И сѣвернымъ дружинамъ лобы
 Янтарь, пожары и пиры.

Имъ только снится воздухъ юга,
 Чужого неба волшебство.
 — И все-таки упрямая подруга
 Откажется попробовать его.

1917

* * *

Среди священниковъ левитомъ молодымъ
 На стражѣ утренней онъ долго оставался.
 Ночь іудейская сгущалася надъ нимъ,
 И храмъ разрушенный угрюмо созидался.

Онъ говорилъ: Небесъ тревожна желтизна,
 Ужь надъ Евфратомъ ночь, бѣгите, іереи.
 А старцы думали: Не наша въ томъ вина.
 Се черно-желтый свѣтъ, се радость Іудей.

Онъ съ нами былъ, когда на берегу ручья
Мы въ драгоценный лень субботу пеленали
И семисвѣщникомъ тяжелымъ освѣщали
Иерусалима ночь и чадъ небытія.

1917

* * *

1

Золотистаго меду струя изъ бутылки текла
Такъ тягуче и долго, что молвить хозяйка успѣла:
Здѣсь, въ печальной Тавриде, куда насъ судьба занесла,
Мы совсѣмъ не скучаемъ, — и черезъ плечо поглядѣла.

2

Всюду Бахуса службы, какъ будто на свѣтѣ одни
Сторожа и собаки. Идешь — никого не замѣтишь.
Какъ тяжелыя бочки, спокойныя катятся дни.
Далеко въ шалашѣ голоса: не поймешь, не отвѣтишь.

3

Послѣ чаю мы вышли въ огромный, коричневый садъ,
Какъ рѣсницы, на окнахъ опущены темныя шторы,
Мимо бѣлыхъ колоннъ мы пошли посмотрѣть виноградъ,
Гдѣ воздушнымъ стекломъ обливаются сонныя горы.

4

Я сказалъ: Виноградъ какъ старинная битва живетъ,
Гдѣ курчавыя всадники бьются въ кудрявомъ порядкѣ.
Въ каменистой Тавриде наука Элады — и вотъ
Золотыхъ десятинъ благородныя ржавыя грядки.

5

Ну, а въ комнатѣ бѣлой, какъ прялка, стоитъ тишина,
Пахнетъ уксусомъ, краской и свѣжимъ виномъ изъ подвала.
Помнишь, въ греческомъ домѣ любимая всѣми жена,
Не Елена — другая — какъ долго она вышивала.

6

Золотое руно, гдѣ же ты, золотое руно —
Всю дорогу шумѣли морскія тяжелыя волны,
И, покинувъ корабль, натрудившій въ моряхъ полотно,
Одиссей возвратился, пространствомъ и временемъ полный.

1917

* * *

Въ тотъ вечеръ не гудѣлъ стрѣльчатый лѣсъ органа.
Намъ пѣла Шуберта родная колыбель,
Шумѣла мельница, и въ пѣсняхъ урагана
Смѣялся музыки голубоглазый хмель.

Старинной пѣсни мѣръ коричневый, зеленый,
Но только вѣчно-молодой,
Гдѣ соловьиныхъ липъ рокошующія кроны
Съ звѣриной яростью качаетъ царь лѣсной.

И сила страшная ночного возвращенья,
Та пѣсня дикая, какъ черное вино.
Это двойникъ — пустое привидѣнье
Безмысленно глядитъ въ холодное окно.

1918

* * *

Твое чудесное произношенье,
Горячій посвистъ хищныхъ птицъ,
Скажу ль — живое впечатлѣнье
Какихъ-то шелковыхъ рѣсницъ.

«Что» — Голова отяжелѣла...
«Во» — Это я тебя зову.
И далеко прошелестѣло:
Я тоже на землѣ живу.

Пусть говорятъ: любовь крымата.
Смерть окрылениѣ стократъ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы къ ней летятъ.

И столько воздуха, и шелка,
И вѣтра въ шепотъ твоёмъ,
И, какъ слѣпые, ночью долгой
Мы смѣсь безсолнечную пьемъ.

1918

Tristia

1

Я изучилъ науку разставанья
Въ простоволосыхъ жалобахъ ночныхъ.
Жуютъ волы, и длится ожиданье,
Послѣдній часъ веселій городскихъ,
И чту обрядъ той пѣтушиной ночи,
Когда, поднявъ дорожной скорби грузъ,
Глядѣли въ даль заплаканныя очи,
И женскій плачъ мѣшался съ пѣньемъ музъ.

2

Кто можетъ знать при словѣ — разставанье,
Какая намъ разлука предстоитъ,
Что намъ сулитъ пѣтушье восклицанье,
Когда огонь въ Акрополе горитъ,
И на зарѣ какой то новой жизни,
Когда въ сѣняхъ лѣниво волъ жуеъ,
Зачѣмъ пѣтухъ, глашатай новой жизни,
На городской стѣнѣ крылами бьетъ?

3

И я люблю обыкновенье пряжи,
Снуеъ челнокъ, веретено жужжить.
Смотри, навстрѣчу, словно пухъ лебязій,
Уже босая Делія летитъ.
О, нашей жизни скудная основа,
Куда какъ бѣденъ радости языкъ!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладокъ намъ лишь узнаванья мигъ.

4

Да будетъ такъ: прозрачная фигурка
На чистомъ блюдѣ глиняномъ лежитъ,
Какъ бѣличья распластанная шкурка,
Склоняясь надъ воскомъ, дѣвушка глядитъ.
Не намъ гадать о греческомъ Эребѣ,
Для женщины воскъ, что для мужчины мѣдъ.
Намъ только въ битвахъ выпадаетъ жребій,
А имъ дано гадая умереть.

1918

Черепаха

1

На каменныхъ отрогахъ Піэріи
Водили музы первый хороводъ,
Чтобы, какъ пчелы, лирики слѣпые
Намъ подарили іонійскій медъ.
И холодкомъ повѣяло высокимъ
Отъ выпукло-дѣвическаго лба,
Чтобы раскрылись правнукамъ далекимъ
Архипелага нѣжные гроба.

2

Бѣжитъ весна топтать луга Элады,
Обула Сафо пестрый сапожекъ,
И молоточками куютъ цикады,
Какъ въ пѣсенкѣ поется перстенекъ.
Высокій домъ построилъ плотникъ дюжій,
На свадьбу всѣхъ передушили куръ,
И растянулъ сапожникъ неуклюжій
На башмаки всѣ пять воловьихъ шкуръ.

3

Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва безпалая ползетъ,
Лежитъ себѣ на солнышкѣ Эпира,
Тихонько грѣя золотой животъ.
Ну, кто ее такую приласкаетъ,
Кто спящую ее перевернетъ?
Она во снѣ Терпандра ожидаетъ,
Сухихъ перстовъ предчувствуя налетъ.

4

Поить дубы холодная криница,
Простоволосая шумитъ трава,
На радость осамъ пахнетъ медуница.
О, гдѣ же вы, святые острова,
Гдѣ не ѣдятъ надломленнаго хлѣба,
Гдѣ только медъ, вино и молоко,
Скрипучій трудъ не омрачаетъ неба,
И колесо вращается легко.

1919

* * *

1

Идемъ туда, гдѣ разныя науки
И ремесло — шашлыкъ и чебуреки,
Гдѣ вывѣска, изображающая брюки,
Даетъ понятье намъ о человѣкѣ.
Мужской сюртукъ — безъ головы стремление,
Цирюльника летающая скрипка
И месмерическій уютъ — явленье
Небесныхъ прачекъ — тяжести улыбка...

2

Здѣсь дѣвушки старѣющія въ челкахъ
Обдумываютъ странные наряды,
И адмиралы въ твердыхъ треуголкахъ
Припоминаютъ сонъ Шехеразады.
Прозрачна даль. Немного винограда,
И неизмѣнно дуетъ вѣтеръ свѣжій.
Недалеко отъ Смирны и Бограда,
Но трудно плыть, а звѣзды всюду тѣ же.

1919

* * *

1

Въ хрустальномъ омутѣ какая крутизна!
За насъ сіенскіе предстательствуютъ горы,
И сумасшедшихъ скалъ колючіе соборы
Повисли въ воздухѣ, гдѣ шерсть и тишина.

2

Съ висячей лѣстницы пророковъ и царей
Спускается органъ, святого духа крѣпость,
Овчарокъ бодрый лай и добрая свирѣпость,
Овчины пастуховъ и посохи судей.

3

Вотъ неподвижная земля, и вмѣстѣ съ ней
Я христіанства пью холодный горный воздухъ,
Крутое Вѣрую и псалмопѣвца роздыхъ,
Ключи и рубища апостольскихъ церквей.

Какая линия могла бы передать
Хрусталь высокихъ нотъ въ эфирѣ укрѣпленномъ,
И съ христіанскихъ горъ въ пространствѣ изумленномъ,
Какъ Палестины пѣснь, нисходитъ благодать.

1919

* * *

Природа тотъ же Римъ, и отразилась въ немъ.
Мы видимъ образы его гражданской мощи
Въ прозрачномъ воздухѣ, какъ въ циркѣ голубомъ,
На форумѣ полей и въ колоннадѣ роши.

Природа тотъ же Римъ, и кажется опять
Намъ незачѣмъ боговъ напрасно беспокоить,
Есть внутренности жертвъ, чтобъ о войнѣ гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить.

* * *

Только дѣтскія книги читать,
Только дѣтскія думы лелѣять,
Все большое далеко развѣять,
Изъ глубокой печали возстать.

Я отъ жизни смертельно усталъ,
Ничего отъ нея не приѣмлю,
Но люблю мою бѣдную землю,
Оттого что иной не видалъ.

Я качался въ далекомъ саду
На простой деревянной качели,
И высокія темныя ели
Вспоминаю въ туманномъ бреду.

* * *

Вернись въ смѣсительное лоно,
Откуда, Лія, ты пришла,
За то, что солнцу Илліона
Ты желтый сумракъ предпочла.

Иди, никто тебя не тронетъ,
На грудь отца, въ глухую ночь,

Пускай главу свою уронить
Кровосмѣсительница-дочь.

Но роковая перемѣна
Въ тебѣ исполниться должна.
Ты будешь Лія — не Елена.
Не потому наречена,

Что царской крови тяжелѣ
Струится въ жилахъ, чѣмъ другой —
Нѣтъ, ты полюбишь іудея,
Исчезнешь въ немъ — и Богъ съ тобой.

* * *

О, этотъ воздухъ, смутой пьяный,
На черной площади Кремля
Качають шаткій «миръ» смутьяны,
Тревожно пахнутъ тополя.

Соборовъ восковые лики,
Колоколовъ дремучій лѣсъ,
Какъ бы разбойникъ безъязыкій
Въ стропилахъ каменныхъ исчезъ.

А въ запечатанныхъ соборахъ,
Гдѣ и прохладно, и темно,
Какъ въ нѣжныхъ глиняныхъ амфорахъ,
Играетъ русское вино.

Успенскій, дивно округленный,
Весь удивленье райскихъ дугъ,
И Благовѣщенскій, зеленый,
И, мнится, заворкуетъ вдругъ.

Архангельскій и Воскресенья
Просвѣчиваютъ, какъ ладонь —
Повсюду скрытое горѣнье,
Въ кувшинахъ спрятанный огонь...

* * *

I

Въ Петербургѣ мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили въ немъ,
И блаженное, бессмысленное слово
Въ первый разъ произнесемъ.

Въ черномъ бархатѣ совѣтской ночи,
Въ бархатѣ всемірной пустоты,
Все поютъ блаженныхъ женъ родныя очи,
Все цвѣтутъ безсмертныя цвѣты.

2

Дикой кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоитъ,
Только злой моторъ во мглѣ промчится
И кукушкой прокричитъ.
Мнѣ не надо пропуска ночного,
Часовыхъ я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я въ ночи совѣтской помолюсь.

3

Слышу легкій театральнѣй шорохъ
И дѣвическое «ахъ» —
И безсмертныхъ розъ огромный ворохъ
У Киприды на рукахъ.
У костра мы грѣмся отъ скуки,
Можетъ быть вѣка пройдутъ,
И блаженныхъ женъ родныя руки
Легкій пепелъ соберутъ.

4

Гдѣ то рядки красныя партера,
Пышно взбиты шифоньерки ложъ;
Заводная кукла офицера;
Не для черныхъ душъ и низменныхъ святошъ...
Что жъ, гаси, пожалуй, наши свѣчи
Въ черномъ бархатѣ всемірной пустоты,
Все поютъ блаженныхъ женъ крутыя плечи,
А ночного солнца не замѣтишь ты.

25 ноября 1920 г.

* * *

На перламутровый челнокъ
Натягивая шелка нити,
О, пальцы гибкіе, начните
Очаровательный урокъ.

Приливы и отливы рукъ,
Однообразныя движенья,

Ты заклинаешь, безъ сомнѣнья,
Какой-то солнечный испугъ,

Когда широкая ладонь,
Какъ раковина, пламенѣя,
То гаснетъ, къ тѣнямъ тяготѣя,
То въ розовый уйдетъ огонь.

* * *

Отъ легкой жизни мы сошли съ ума.
Съ утра вино, а съ вечера похмелье.
Какъ удержать напрасное веселье,
Румянецъ твой, о пьяная чума?

Въ пожатии рукъ мучительный обрядъ,
На улицахъ ночные подѣлуи,
Когда рѣчныя тяжелѣютъ струи,
И фонари, какъ факелы, горять.

Мы смерти ждемъ, какъ сказочнаго волка,
Но я боюсь, что раньше всѣхъ умереть
Тотъ, у кого тревожно-красный ротъ
И на глаза спадающая челка.

* * *

Что поютъ часы-кузнечикъ,
Лихорадка шелеститъ,
И шуршитъ сухая печка, —
Это красный шелкъ горитъ.

Что зубами мыши точатъ
Жизни тоненькое дно,
Это ласточка и дочкѣ
Отвязала мой челнокъ.

Что на крышѣ дождь бормочетъ, —
Это черный шелкъ горитъ,
Но черемуха услышитъ
И на днѣ морскомъ проститъ.

Потому что смерть невинныхъ,
И ничѣмъ нельзя помочь,
Что въ горячкѣ соловьиной
Сердце теплое еще.

* * *

Уничтожаетъ пламень
Сухую жизнь мою,
И нынѣ я не камень,
А дерево пою.

Оно легко и грубо;
Изъ одного куска
И сердцевина дуба,
И весла рыбака.

Вбивайте крѣпче сваи,
Стучите, молотки,
О деревянномъ раѣ,
Гдѣ вещи такъ легки.

* * *

Мнѣ Тифлисѣ горбатый снится,
Сазандарій стонъ звенить,
На мосту народъ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумить.

Надъ Курою есть духаны,
Гдѣ вино и милый пловъ,
И духанщикъ тамъ румяный
Подаетъ гостямъ стаканы
И служить тебѣ готовъ.

Кахетинское густое
Хорошо въ подвалѣ пить,
Тамъ въ прохладѣ, тамъ въ покоѣ
Пейте вдоволь, пейте двое:
Одному не надо пить.

Въ самомъ маленькомъ духанѣ
Ты товарища найдешь.
Если спросишь Теліани.
Поплыветъ Тифлисѣ въ туманѣ,
Ты въ духанѣ поплывешь.

* * *

Американка въ двадцать лѣтъ
Должна добраться до Египта,
Забывъ Титаника совѣтъ,
Что спитъ на днѣ мрачнѣе крипта.

Въ Америкѣ гудки поють,
И красныхъ небоскребовъ трубы
Холоднымъ тучамъ отдають
Свои прокопченныя губы.

И въ Луврѣ океана дочь
Стоитъ, прекрасная, какъ тополь,
Чтобъ мраморъ сахарный толочь,
Влѣзаетъ бѣлкой на Акрополь.

Не понимая ничего,
Читаетъ Фауста въ вагонѣ
И сожалеетъ, отчего
Людовикъ больше не на тронѣ.

* * *

Сестры тяжесть и нѣжность, — одинаковы ваши примѣты,
Медуницы и осы тяжелую розу сосуть,
Человѣкъ умираетъ, песокъ остываетъ согрѣтый,
И вчерашнее солнце на черныхъ носилкахъ несутъ.

Ахъ, тяжелыя соты и нѣжныя сѣти,
Легче камень поднять, чѣмъ вымолвить слово — любить,
У меня остается одна забота на свѣтѣ,
Золотая забота, какъ времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившійся воздухъ,
Время вспахано плугомъ, и роза землею была,
Въ медленномъ водоворотѣ тяжелыя нѣжныя розы,
Розы тяжесть и нѣжность въ двойные вѣнки заплела.

1920

* * *

1

Я наравнѣ съ другими
Хочу тебѣ служить,
Отъ ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляетъ слово
Мнѣ пересохшихъ устъ,
И безъ тебя мнѣ снова
Дремучій воздухъ пусть.

2

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И самъ себя несу я,
Какъ жертву, палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь;
На дикую, чужую
Мнѣ подмѣнили кровь.

3

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебѣ:
Не радость, а мученье
Я нахожу въ тебѣ.
И, словно преступленье,
Меня къ тебѣ влечетъ
Искусанный въ смятеньи,
Вишневый нѣжный ротъ.

4

Вернись ко мнѣ скорѣ:
Мнѣ страшно безъ тебя.
Я никогда сильнѣе
Не чувствовалъ тебя.
И въ полуночной драмѣ,
Во снѣ иль наяву,
Въ тревогѣ иль въ истомѣ —
Но я тебя зову.

1920

* * *

I

Чуть мерцаетъ призрачная сцена,
Хоры слабые тѣней,
Захлестнула шелкомъ Мельпомена
Окна храмины своей.
Чернымъ таборомъ стоятъ кареты,
На дворѣ морозъ трещить,
Все космато: люди и предметы,
И горячій снѣгъ хруститъ.

2

Понемногу челядь разбираетъ
Шубъ медвѣжьихъ вороха,
Въ суматохѣ бабочка летаетъ,
Розу кутаютъ въ мѣха.
Модной пестряди кружки и мошки,
Театральный легкій жаръ,
А на улицѣ мигаютъ плошки,
И тяжелый валитъ паръ.

3

Кучера измаялись отъ крика,
И кромѣшна ночи тьма.
Ничего, голубка Эвридика,
Что у насъ студеноя зима.
Слаще пѣнья итальянской рѣчи
Для меня родной языкъ,
Ибо въ немъ таинственно лепечеть
Чужеземныхъ арфъ родникъ.

4

Пахнетъ дымомъ бѣдная овчина,
Отъ сугроба лица черна.
Изъ блаженного, пѣвучаго притона
Къ намъ летитъ безсмертная весна,
Чтобы вѣчно арія звучала
«Ты вернешься на зеленые дуга» —
И живая ласточка упала
На горячіе снѣга.

Венецiейская жизнь

1

Венецiейской жизни мрачной и безплодной
Для меня значеніе свѣтло,
Вотъ она глядитъ съ улыбкою холодной
Въ голубое дряхлое стекло.

2

Тонкій воздухъ, кожи синія прожилки,
Бѣлый снѣгъ, зеленая парча,
Всѣхъ кладутъ на кипарисныя носилки,
Сонныхъ, теплыхъ вынимаютъ изъ плаща.

3

И горять, горять въ корзинахъ свѣчи,
Словно голубь залетѣлъ въ ковчегъ,
На театрѣ и на праздномъ вѣчѣ
Умираетъ человѣкъ.

4

Ибо нѣтъ спасенья отъ любви и страха,
Тяжелѣ платины Сатурново кольцо,
Чернымъ бархатомъ завѣшенная плаха
И прекрасное лицо.

5

Тяжелы твои, Венеція, уборы,
Въ кипарисныхъ рамахъ зеркала.
Воздухъ твой граненый. Въ спальнѣ таютъ горы
Голубого, дряхлаго стекла.

6

Только въ пальцахъ роза или склянка,
Адриатика зеленая, прости,
Что же ты молчишь, скажи, венеціанка?
Какъ отъ этой смерти праздничной уйти?

7

Черный Весперъ въ зеркалѣ мерцаетъ,
Все проходитъ. Истина темна.
Человѣкъ рождается. Жемчугъ умираетъ.
И Сусанна старцевъ ждать должна.

1920

* * *

Мнѣ жалко, что теперь зима,
И комаровъ не слышно въ домѣ,
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломѣ.

Стрекозы вьются въ синевѣ,
И ласточкой кружится мода,
Корзиночка на головѣ —
Или напыщенная ода?

Совѣтовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитыхъ сливокъ вѣчень вкусъ
И запахъ апельсиновой корки.

Ты все толкуешь наобумъ,
Отъ этого ничуть не хуже,
Что дѣлать: самый нѣжный умъ
Весь помѣщается снаружи.

И ты пытаешься желтокъ
Взбивать разсерженной ложкой,
Онъ побѣлѣлъ, онъ изнемогъ —
И все-таки, еще немножко...

Въ тебѣ все дразнить, все поеть,
Какъ итальянская рулада.
И маленькій вишневый ротъ
Сухого просить винограда.

Такъ не старайся быть умнѣй,
Въ тебѣ все прихоть, все минута.
И тѣнь отъ шапочки твоей
Венеціанская баута.

Декабрь 1920

* * *

Вотъ дароносица, какъ солнце золотое
Повисла въ воздухѣ — великолѣпный мигъ.
Здѣсь долженъ прозвучать лишь греческій языкъ:
Взять въ руки цѣлый миръ, какъ яблоко простое.

Богослуженія торжественный зенитъ,
Свѣтъ въ круглой храминѣ подъ куполомъ въ іюль,
Чтобъ полной грудью мы въ времени вздохнули
О луговинѣ той, гдѣ время не бѣжитъ.

И Евхаристія, какъ вѣчный полдень длится —
Всѣ причащаются, играютъ и поютъ,
И на виду у всѣхъ божественный сосудъ
Неисчерпаемымъ веселіемъ струится.

* * *

Когда Психея-жизнь спускается къ тѣнямъ
Въ полупрозрачный лѣсъ вослѣдъ за Персефоной,
Слѣпая ласточка бросается къ ногамъ
Съ стигійской нѣжностью и вѣткою зеленой.

Навстрѣчу бѣженкѣ спѣшить толпа тѣней,
Товарку новую встрѣчая причитаньемъ,
И руки слабыя ломаютъ передъ ней
Съ недоумѣніемъ и робкимъ упованьемъ.

Кто держитъ зеркальце, кто баночку духовъ;
Душа вѣдь женщина, ей нравятся бездѣлки,
И лѣсъ безлиственный прозрачныхъ голосовъ
Сухія жалобы кропятъ, какъ дождикъ мелкій.

И въ нѣжной сутолкѣ не зная, что начать,
Душа не узнаетъ прозрачныя дубравы,
Дохнетъ на зеркало и медлитъ передать
Лепешку мѣдную съ туманной переправы.

* * *

Возьми на радость изъ моихъ ладоней
Немного солнца и немного меда,
Какъ намъ велѣли пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрѣпленной лодки,
Не услышать въ мѣха обутой тѣни,
Не превозмочь въ дремучей жизни страха.

Намъ остаются только пощѣлуи,
Мохнатая, какъ маленькія пчелы,
Что умираютъ, вылетѣвъ изъ улья.

Они шуршатъ въ прозрачныхъ дебряхъ ночи,
Ихъ родина дремучій лѣсъ Тайгета,
Ихъ пища — время, медуница, мята.

Возьми жъ на радость дикій мой подарокъ —
Невзрачное сухое ожерелье
Изъ мертвыхъ пчелъ, медъ превратившихъ въ солнце.

Сумерки свободы

1

Прославимъ, братья, сумерки свободы,
Великій сумеречный годъ.
Въ кипящія ночныя воды
Опущенъ грузный лѣсъ тенеть.
Восходишь ты въ глухіе годы,
О, солнце, судія-народъ.

2

Прославимъ роковое бремя,
Которое въ слезахъ народный вождь беретъ.
Прославимъ власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнетъ.
Въ комъ сердце есть, тотъ долженъ слышать, время,
Какъ твой корабль ко дну идетъ.

3

Мы въ легіоны боевые
Связали ласточекъ, и вотъ
Не видно солнца, вся стихія
Щебечеть, движется, живетъ,
Сквозь сѣти сумерки густыя
Не видно солнца, и земля плыветъ.

4

Ну что жъ, попробуемъ: огромный, неуклюжій,
Скрипучій поворотъ руля.
Земля плыветъ. Мужайтесь, мужи,
Какъ плугомъ, океанъ дѣля,
Мы будемъ помнить и въ летейской стужѣ,
Что десяти небесъ намъ стоила земля.

* * *

1

На страшной высотѣ блуждающій огонь,
Но развѣ такъ звѣзда мерцаетъ?
Прозрачная звѣзда, блуждающій огонь,
Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

2

На страшной высотѣ земные сны горять,
Зеленая звѣзда летаетъ.
О, если ты звѣзда, — воды и неба братъ,
Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

3

Чудовищный корабль на страшной высотѣ
Несется, крылья расправляетъ.
Зеленая звѣзда, въ прекрасной нищетѣ
Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

4

Прозрачная весна надъ черною Невой
Сломалась. Воскъ безсмертья таетъ.
О, если ты звѣзда — Петрополь, городъ твой,
Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

Ласточка

1

Я слово позабылъ, что я хотѣлъ сказать:
Слѣпая ласточка въ чертогъ тѣней вернется
На крыльяхъ срѣзанныхъ съ прозрачными играть.
Въ безпамятствѣ ночная пѣснь поется.

2

Не слышно птицъ. Безсмертникъ не цвѣтетъ,
Прозрачны гривы табуна ночного,
Въ сухой рѣкѣ пустой челнокъ плыветъ,
Среди кузнечиковъ безпамятствуетъ слово.

3

И медленно растетъ какъ бы шатеръ иль храмъ,
То вдругъ прикинется безумной Антигоной,
То мертвой ласточкой бросается къ ногамъ
Съ стигійской нѣжностью и вѣткою зеленой.

4

О, если бы вернуть и зрячихъ пальцевъ стыдъ.
И выпуклую радость узнаванья,

Я такъ боюсь рыданья Аонидъ,
Тумана, звона и зянья.

5

А смертнымъ власть дана любить и узнавать,
Для нихъ и звукъ въ персты прольется,
Но я забылъ, что я хочу сказать,
И мысль безплотная въ чертогъ тѣней вернется.

6

Все не о томъ прозрачная твердить,
Все ласточка, подружка, Антигона...
А на губахъ, какъ черный ледъ, горить
Стигійскаго воспоминанье звона.

1920

* * *

За то, что я руки твои не сумѣлъ удержать,
За то, что я предалъ соленыя нѣжныя губы,
Я долженъ разсвѣта въ дремучемъ акрополѣ ждать.
Какъ я ненавижу плакучіе древніе срубы.

Ахейскіе мужи во тьмѣ снаряжаютъ коня,
Зубчатыми пилами въ стѣны вгрызаются крѣпко,
Никакъ не уляжется крови сухая возня,
И нѣтъ для тебя ни названья, ни звука, ни слѣпка.

Какъ могъ я подумать, что ты возвратишься, какъ смѣлъ!
Зачѣмъ преждевременно я отъ тебя оторвался!
Еще не разсѣлся мракъ, и пѣтухъ не пропѣлъ,
Еще въ древесину горячій топоръ не врѣзался.

Прозрачной слезой на стѣнахъ проступила смола,
И чувствуетъ городъ свои деревянные ребра,
Но хлынула къ лѣстницамъ кровь и на приступъ пошла,
И трижды приснился мужамъ соблазнительный образъ.

Гдѣ милая Троя, гдѣ царскій, гдѣ дѣвичій домъ?
Онъ будетъ разрушенъ, высокій Пріамовъ скворешникъ.
И падаютъ стрѣлы сухимъ деревяннымъ дождемъ,
И стрѣлы другія растутъ на землѣ, какъ орѣшникъ.

Послѣдней звѣзды безболѣзненно гаснетъ уколъ,
И сѣрою ласточкой утро въ окно постучится,
И медленный день, какъ въ соломѣ проснувшійся волъ
На стогнахъ шершавыхъ отъ долгаго сна шевелится.

Декабрь 1920

* * *

Исаіи подъ фатой молочной бѣлизны
Стоитъ сѣдою голубятней,
И посохъ бередитъ сѣдя тишины
И чинъ воздушный сердцу внятнѣй.

Столѣтнихъ панихидъ блуждающій призракъ,
Широкій выносъ плащаницы,
И въ ветхомъ неводѣ генисаретскіи мракъ
Великопостныя седмицы.

Ветхозавѣтный дымъ на теплыхъ алтаряхъ
И іерея возгласъ сирый,
Смиреникъ царственный: снѣгъ чистый на плечахъ
И одичалыя порфиры.

Соборы вѣчные Софіи и Петра,
Амбары воздуха и свѣта,
Зернохранилища вселенскаго добра,
И риги новаго завѣта.

Не къ вамъ влечется духъ въ години тяжкихъ бѣдъ,
Сюда влачится по ступенямъ
Широкопασурнымъ несчастья волчій слѣдъ,
Ему вовѣки не измѣнимъ.

Зане свободенъ рабъ, преодолевшій страхъ,
И сохранилось свыше мѣры
Въ прохладныхъ житницахъ, въ глубокихъ закромахъ
Зерно глубокой, полной вѣры.

1921